

JOHN BELLAIRS

THE HOUSE WITH A
CLOCK IN ITS WALLS

ДЖОН БЕЛЛЭРС

ТАЙНА
ДОМА С ЧАСАМИ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б43

John Bellairs

THE HOUSE WITH A CLOCK IN ITS WALLS

Печатается с разрешения наследников автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Беллэрс Д.
Б43 Тайна дома с часами / Джон Беллэрс; [пер. с англ. Е. Смотровой]. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 192 с.

ISBN 978-5-17-110283-8

Десятилетний Льюис и не подозревал, что его ждет при переезде в таинственный особняк под номером 100 по Хай-стрит.

Дядя Джонатан и его добрая подруга миссис Циммерман радушно приняли мальчика, но Льюиса не покидает ощущение, что дом с башней скрывает какую-то мрачную тайну. Зачем в доме столько часов? И зачем дядя Джонатан бродит каждую ночь, то и дело отключая их?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110283-8

© THE HOUSE WITH THE CLOCK IN ITS WALLS © John
Bellairs, 1973
© «THE HOUSE WITH A CLOCK IN ITS WALLS»
A UNIVERSAL RELEASE ©2018 Universal Studios
and Storyteller Distribution Co., LLC
© Е. Смотровая, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Присцилле,
которая позволяет мне быть собой*

Глава первая

Льюис Барнавелт ерзал и обтирал потные руки о сиденье рычащего автобуса, следующего до Нью-Зибиди. На дворе стоял теплый летний вечер 1948 года. Там, за окнами автобуса, порывисто завывал ветер. Сквозь плотное стекло Льюис наблюдал, как под лунным светом колышутся деревья.

Он взглянул на свои фиолетовые брюки из рубчатого вельвета, из тех, что шуршат во время ходьбы. Затем пригладил волосы, уложенные гелем и расчесанные на прямой пробор. Ладонь стала масляной, и Льюис, недолго думая, вытер ее о сиденье. Губы его шептали одну из молитв, которые читают алтарники:

«Quia tu es Deus fortitudo mea quare me reppulisti quare tristis incedo dum adfligit me inimicus?»*

Льюис попробовал извлечь из памяти еще какие-нибудь строки, но в голове вертелся только один вопрос:

«Quare tristis es anima mea: et quare conturbas me?»**

Он подумал, что кроме: «Куда я еду? Кого я там встречу? Я им понравлюсь? Что со мной будет?» — ему в последнее время ничего не приходит на ум.

Льюису было десять лет. До недавних пор он жил с родителями в городке неподалеку от Милуоки. Его мама и папа недавно погибли в автокатастрофе, и теперь мальчик вынужденно переезжает в город Нью-Зибиди в мичиганском округе Капернаум. Там он поселится у дяди Джонатана, которого едва знает. Кое-что Льюис о своем дяде слышал: тот пил, курил и играл в покер. По меркам католической семьи недостатки не такие уж большие, но воспитанный двумя незамужними тетюшками-баптистками, Льюис был заранее предупрежден о привычках дяди Джонатана. Мальчик лишь надеялся, что эти предостережения окажутся бесполезными.

---

* «Ты — Бог, крепость моя. Почему ты отверг меня? Почему я скитаюсь плача, оскорбленный моим врагом?» (примеч. пер.)

** «Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься?» (примеч. пер.)

Автобус плавно повернул, а Льюис посмотрел на свое отражение: на круглое полное лицо и лоснящиеся щеки. Его губы продолжали шептать. Льюис снова принялся проговаривать молитвы алтарников, и на сей раз всем сердцем просил, чтобы Бог помог ему понравиться дяде Джонатану: «Judica me Deus... Суди меня, Боже... нет, не суди, лучше помоги мне, я очень хочу быть счастливым».

В пять минут восьмого автобус остановился в Нью-Зибиди, у аптеки. Льюис поднялся с места, обтер ладони о брюки и дернул за ручку огромный фибровый чемодан, лежавший на полке для багажа. Отец купил этот чемодан в Лондоне еще в конце Второй мировой войны. Саквояж со всех сторон был облеплен наклейками транспортной компании «Кунард Лайн», потертыми и поцарапанными. Льюис с такой силой потянул багаж на себя, что чемодан грозил приземлиться мальчику на голову. Отклонившись, Льюис постарался удержать опасно нависнувшие пожитки, но не удержался на ногах и шлепнулся на сиденье: чемодан бухнулся ему на колени.

— Ну что ж ты, давай хоть познакомимся, пока не убился.

В проходе стоял мужчина с кустистой рыжей бородой, прочерченной тут и там несколькими белыми прядями. Брюки цвета хаки обтягивали округлый жи-

вот, а поверх голубой рубашки был надет красный жилет с золотыми пуговицами, на котором Льюис заметил четыре кармана: из двух верхних торчали ершики для чистки трубки, два нижних соединяла цепочка из скрепок, одним концом цепляющаяся за коронку золотых часов.

Джонатан ван Ольден Барнавельт вынул изо рта дымящую трубку и протянул мальчику руку:

— Здравствуй, Льюис. Я твой дядя Джонатан. Узнал тебя по фотографии, которую как-то присылал твой отец. Добро пожаловать в Нью-Зибиди.

Пожав дяде руку, Льюис заметил, что тыльная сторона ладони Джонатана покрыта ковриком упругих рыжих волос. Этот коврик не ограничивался ладонью, а скрывался где-то под манжетом рубашки. «Интересно, — подумал Льюис, — весь ли дядя покрыт рыжими волосами».

Джонатан поднял чемодан и направился к выходу из автобуса.

— Боже мой, ну и громадина! К ней уж стоило бы приделать пару колесиков. Ох! Ты что, свой дом на кирпичи разобрал и с собой прихватил?

Услышав про дом, Льюис заметно опечалился, и Джонатан решил сменить тему. Прочистив горло, он начал:

— Ну что ж, повторюсь, добро пожаловать в округ Капернаум и красивейший исторический городок

Нью-Зибиди; население шесть тысяч человек, и продолжает... не расти.

Где-то наверху загрохотали часы.

Джонатан замолчал. Резко остановился, уронив чемодан, его руки безвольно повисли. Льюис испуганно смотрел на дядю. Глаза мужчины застыли и заблестели.

Часы отбивали удар за ударом. Мальчик поднял голову. Звук шел от высокой кирпичной башни через дорогу. Своды колокольни напоминали морду с широко распахнутыми глазами и раскрытым в крике ртом, сразу под которым висел большой блестящий циферблат с железными цифрами.

Бом, — еще удар. Колокол был большой, железный и гулкий, и звук его вызывал у Льюиса чувство безнадеги и беспомощности. Почему-то колокола всегда действовали на него подобным образом. Но что с дядей Джонатаном?

Бой часов прекратился. Джонатан вышел из транса. Он резко потряс головой и неуклюже поднял руку к лицу. Дядя сильно вспотел, судорожно протер лоб и распаренные щеки.

— Хм. Ох. Хм-м. Ох, прости, Льюис. Я... я только что вспомнил, что оставил... оставил на огне кипящий чайник. Я иногда впадаю вот в такое оцепенение, когда вспоминаю что-нибудь, о чем забыл, ну или наоборот

рот, что ли. Дно у чайника наверняка теперь испорчено. Пойдем. Пойдем поскорее.

Льюис с подозрением глянул на дядю, но ничего не сказал. Они продолжили путь.

Покинув хорошо освещенную Мэйн-стрит, Льюис и дядя Джонатан вскоре торопливо шагали по длинной обсаженной деревьями аллее под названием Мэншн-стрит в сторону глубокого тоннеля. На дороге разливались лужи фонарного света. Джонатан расспрашивал племянника об учебе и о спортивных успехах Джорджа Келла*. В Мичигане, как решил дядя Джонатан, Льюису придется болеть за «Тайгерс». Дядя наконец перестал жаловаться на тяжелый чемодан, но временами останавливался, опускал кофр на дорогу и разминал покрасневшую руку.

Льюису казалось, что дядя Джонатан в темноте говорит громче, чем при свете уличных фонарей, но почему, было непонятно.

Взрослым не положено бояться темноты, да и шли они не по мрачной пустой улице. В большинстве домов по обе стороны горел свет, было слышно, как смеются, разговаривают и хлопают дверьми их обитате-

---

* Американский бейсболист, в период 1947–1952 гг. выступающий за команду «Тайгерс Детройт» (здесь и далее примеч. ред.).

ли. Дядя казался Льюису странным, но мальчику эта странность скорее нравилась.

На углу Мэншн-стрит и Хай-стрит Джонатан остановился. Перед почтовым ящиком с надписью «Только для писем» мужчина поставил чемодан и сел на него.

— Нам в дом на вершине холма, — отдышавшись, пояснил Джонатан.

Хай-стрит* в свое время получила правильное название. Улица поднималась наверх и дядя с племянником шли, наклонившись вперед и медленно переставляя ноги. Льюис то и дело предлагал дяде помочь с чемоданом, но тот каждый раз отказывался, уверяя, что справится сам. Мальчик уже жалел, что притащил с собой столько книг и свинцовых солдатиков.

На вершине холма Джонатан вновь опустил чемодан. Затем достал пестрый платок и промокнул лицо.

— Вот и они, владения Барнавельтов. Как тебе?

Льюис осмотрелся.

Перед ними возвышался трехэтажный каменный особняк с высокой башней. Во всем здании горел свет. Свет лился даже из верхнего овального окошка, в окружении отделочной плитки похожего на глаз. Перед домом раскинулся каштан. Его листья тихо шелестели под порывами летнего ветерка.

---

* Х а й - с т р и т (англ. High Street) — может переводиться как «верхняя улица».

Закинув руки за спину и широко расставив ноги, Джонатан постоял немного по стойке «вольно». Затем повторил:

— Как тебе здесь, а, Льюис?

— Очень здорово, дядя Джонатан! Мне всегда хотелось жить в особняке, а это определенно похоже на особняк.

Льюис подошел к вычурной ограде и потрогал одно из железных украшений, рассыпанных по всему ограждению. Затем уставился на вывеску с цифрой «100», набранной из красных стеклянных светоотражателей.

— Дядя Джонатан, он настоящий? Дом, я имею в виду.

Джонатан растерянно взглянул на мальчика.

— Да... Да, конечно. Настоящий. Давай-ка зайдем внутрь.

Джонатан дернул петлю шнурка, на который закрывались ворота. Те со скрипом отворились. Льюис зашагал к дому, и Джонатан пошел следом, волоча за собой чемодан. Они поднялись по ступенькам и вошли в дом: в передней оказалось темно, и только в дальнем конце коридора мелькал свет. Дядя поставил на пол чемодан и приобнял Льюиса.

— Ну что ж, заходи, не стесняйся. Теперь это твой дом.

Льюис оглядел внушительную переднюю и направился к ближайшей двери. Путь, казалось, занял целую

вечность. Дойдя наконец, Льюис попал в комнату, залитую желтым светом. На стенах висели картины в тяжелых позолоченных рамах, каминную полку загромождали самые неожиданные вещи; посреди комнаты стоял круглый стол, а в углу — седая женщина в мешковатом фиолетовом платье. Она прижималась ухом к стене и прислушивалась.

Льюис остановился, глядя на нее. Мальчику стало неловко, — он будто случайно помешал кому-то заниматься тем, чего делать не стоит. Ему показалось, что они с Джонатаном вошли довольно шумно, но эта леди, кем бы она ни была, похоже, не услышала. Удивилась и смутилась, как и сам Льюис.

Теперь же она выпрямилась, поправила платье и весело поздоровалась:

— Привет. Я миссис Циммерман, соседка.

Льюис вдруг осознал, что смотрит на одно из самых морщинистых лиц, которые ему доводилось видеть. Но глаза незнакомки выражали дружелюбие, а морщины сложились в узор, обычно сопровождающий улыбку. Они пожали друг другу руки.

— Флоренс, это Льюис, — представил племянника Джонатан. — Помнишь, Чарли про него писал? Автобус в кои-то веки пришел вовремя. Наверное, для этого подвига водителю пришлось выпить. Эй! Ты что, ворует мои монеты?